

Элизабет Вернер

Благородная дичь

Элизабет Вернер
Благородная дичь

«Public Domain»

1914

Вернер Э.

Благородная дичь / Э. Вернер — «Public Domain», 1914

«Густая завеса тумана, долго скрывавшая горы, стала рассеиваться; замолк беспрестанный шум дождя, и высоко-высоко в небе сквозь быстро несущиеся облака стала просвечивать кое-где лазурь...»

Содержание

I	5
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Элизабет Вернер

Благородная дичь

I

Густая завеса тумана, долго скрывавшая горы, стала рассеиваться; замолк беспрестанный шум дождя, и высоко-высоко в небе сквозь быстро несущиеся облака стала просвечивать кое-где лазурь.

В открытой стеклянной двери, выходящей на широкую каменную террасу, стоял господин, глядя на волнующуюся завесу тумана. Окружающий пейзаж виднелся еще не весь; можно было различить лишь часть озера, лежавшего в долине, еще полузатянутое туманом, леса и неясные контуры отдельных гор, то появлявшихся, то вновь исчезающих. Все это еще было окутано влажными испарениями, однако наблюдавший за этим мужчина обернулся в сторону комнаты и с полной определенностью заявил:

– Ветер переменился; несомненно, погода улучшается.

– Слава Богу, – ответила ему дама, сидевшая в высоком кресле и теперь опустившая рукоделие, которым она занималась. – Здешний ландшафт с бесконечными лесами при дождливой погоде невероятно меланхоличен.

– Тебе не нравится мой Рестович? Впрочем, я это раньше предвидел, – произнес господин, садясь рядом с собеседницей.

– Он значительно грандиознее, чем я представляла себе. В своих коротких письмах ты никогда не сообщал подробностей и писал лишь о крупном, купленном тобой имении. Правда, твоя подпись: «Ульрих фон Бернек на Рестовиче» – очень почтенна, но я лишь теперь узнала, что ты владеешь громаднейшим поместьем и распоряжаешься, как повелитель, в древнем словацком замке с целой армией служащих. Только если бы все здесь не было столь мрачно и чуждо! Это производит на меня почти гнетущее впечатление.

Эта фраза и на самом деле вполне соответствовала ближайшей окружающей картине. Высокий зал, в котором находились сейчас собеседники, несомненно, должен был иметь более уютный вид при солнечных лучах, нежели теперь, в смутном свете дождливого дня. Со своими покрытыми темной кожей стенами и очевидно очень старинной обстановкой он казался крайне мрачным; к тому же этого не скрашивал внешний пейзаж, затянутый туманом.

Дама в темном шелковом платье и черной кружевной наколке на поседевших волосах имела очень благородную внешность, но была холодна и сдержана в своих манерах и речи. Так же спокоен и холоден был ее внимательный взор, медленно скользнувший вокруг комнаты и остановившийся на владельце имения.

Ульрих фон Бернек обладал высокой, мускулистой фигурой; ему было лет за тридцать. Он, пожалуй, казался даже старше, чем был в действительности, и на висках у него, в каштановых волосах, уже была заметна легкая седина. Его лицо можно было бы назвать привлекательным, если бы на нем не лежало выражение суровой замкнутости, придававшего ему даже какой-то злобный отпечаток. В темно-серых глазах таилось то нечто-то мрачное, жесткое, а улыбка, казалось, была совсем чужда его физиономии. На нем был обычный в этой местности горский костюм, но в последнем, равно как и во всей манере держать себя, чувствовалась некоторая небрежность. Очевидно, этот человек не придавал большого значения внешности. И все же, несмотря на это, по первому же взгляду было видно, что он принадлежит к высшему обществу.

Продолжая разговор с последней фразы своей собеседницы, он произнес:

– Совершенно верно, здесь нет ничего привлекательного для избалованных жительниц столиц. Я отлично знаю твой вкус, тетя, а потому даже не осмеливался пригласить тебя сюда.

– Да, ты довел меня до того, что я явилась без приглашения и, может быть, представляюсь даже нежеланной гостьей, – несколько резко заметила тетка.

– Но помилуй, тетя! Да что ты выдумала?

– А я ведь просто захотела посмотреть, где и как ты живешь. Однако, откровенно говоря, я не понимаю, как у тебя могла явиться идея купить имение именно здесь, на границе всякой культуры, где у тебя нет никакого подходящего общества и никакой пищи для ума. Как ты только можешь выносить жизнь тут?

– Как я выношу? – пожал плечами Бернек. – До сих пор у меня было столько работы, что мне даже некогда было подумать о своем одиночестве. Да ведь мне главным образом и нужна была работа.

– Ну, ее-то ты бы мог найти и у нас. Если ты ни за что не хотел оставаться в Ауенфельде, то мог бы купить какое-либо другое имение на родине и хозяйничать в нем.

– Ну да, конечно! Какое-нибудь из самых образцовых имений, – иронически воскликнул Бернек, – такое, где целый год все идет по определенному шаблону и где любой управляющий или дажепомощник его может заменять хозяина, так как весь вопрос сводится к тому лишь, чтобы поддерживать ход заведенной машины. Это очень удобно и спокойно, но не заполняет жизни.

– Но ведь прежде-то заполняло твою жизнь! – возразила тетка.

– Ауенфельд был моей родиной; там я родился и вырос. А ведь родной угол любишь.

– О, несмотря на это, ты бросил его? Я, конечно, понимаю, что тот злосчастный случай тяжело поразил тебя, но продавать из-за этого свой родной дом, разрывать все прежние отношения и удаляться на чужбину – это уже крайность. Ты ведь был совершенно неповинен во всей этой истории и мог...

– Молчи! прошу, тебя, молчи! – прервал тетку Бернек с такой вдруг вспыхнувшей горячностью, что она действительно замолчала.

Что касается самого Ульриха, то он вскочил с места и быстро прошел опять к двери.

Тетка скорее с неудовольствием, чем с испугом, покачала головой и тихо спросила:

– Ты все еще не переборол в себе этого?

– Нет! – глухо ответил Бернек.

– Ну, так оставим это в покое! Спорить с тобой об этом невозможно, а потому побеседуем о чем-нибудь другом. Не понимаю, почему это до сих пор нет Паулы? Ведь она знает, что должна явиться к чаю.

Госпожа Альмерс изменила тему разговора совершенно спокойно, как будто совершенно и не заметила недавней вспышки племянника. Он медленно вернулся к своему креслу и сел в него, но его лоб был изборожден глубокой, мрачной складкой.

– Фрейлейн Дитвальд не боится ни ветра, ни непогоды, – произнес он, заставляя себя тоже говорить спокойно. – Я видел два часа тому назад, как она вышла из домов проливной дождь, и, по-видимому, это доставляло ей удовольствие.

– Да, она – еще почти ребенок и, в сущности, слишком молода для роли компаньонки. Мне приходится на многое обращать внимания и частенько журить ее. Но я взяла ее к себе в компаньонки по совершенно особой причине. Мать Паулы была моей подругой юности и, будучи семнадцати лет, совершила глупость, за которую платилась всю свою жизнь. Она могла бы сделать очень хорошую партию, но отказалась от нее и вступила в брак по любви с бедным-бедным художником. Само собой быстро явилось возмездие за это. Вся ее брачная жизнь была лишь вечной цепью забот и разочарований, а когда муж умер, тоона осталась в полной бедности.

В этом кратком рассказе заключалась глубоко трогательная судьба женщины, поставившей любовь выше расчета и поплатившейся за это. Но Альмерс рассказывала все это так же непринужденно и спокойно, как и всякую другую историю, и очевидно находила вполне естественным конечный результат ее.

Бернек не произнес ни слова, но морщины на его лбу стали еще глубже, чем раньше.

Между тем его тетка продолжала:

– Я, конечно, приняла в ней участие и поддерживала ее; когда же Паула после ее смерти осталась круглой сиротой, то я взяла ее к себе в дом. Кстати освободилось место моей компаньонки, и я предложила его Пауле, но она очень далека до совершенства. А скажи, тебе мешают, что я привезла ее с собой? Знаешь, я так привыкла, чтобы около меня был кто-нибудь.

Она произнесла последние слова как бы мельком, но не сводила при этом с лица племянника своего острого наблюдательного взгляда.

– Нам незачем играть комедию друг с другом, тетя! – воскликнул он. – Неужели ты думаешь, что я уже давно не догадался, чего ради ты приехала сюда и привезла с собой Паулу Дитвальд?

– Если ты знаешь, тем лучше, – заявила Альмерс, нетеряя самообладания. – В таком случае и я могу откровенно сказать тебе: я уже давно заметила, что ты не совсем равнодушен к ней.

Бернек ничего невозразил против этого и продолжал молчать.

– Ты еще не принял никакого решения? – продолжала тетка. – Я нахожу это вполне понятным: в твои годы не очень-то скоро люди решаются на что-либо. Но теперь ты должен будешь сделать это, так как наше пребывание здесь подходит к концу. Если ты любишь эту девушку, то почему ж ты не поговоришь с ней об этом? Ведь препятствий нет никаких...

– Да потому, что я не желаю быть в твоей игре только пешкой, которую ты двигаешь своей рукой туда и сюда.

– Ульрих! – воскликнула тетка с неудовольствием, но он, не обращая на это внимания, продолжал с прежним раздражением:

– Да конечно, тетя! Для тебя жизнь всегда была своего рода шахматной игрой, в которой тонко обдумывается каждый ход. Здесь же твоими фигурами являются люди, имеющие также свою волю. Берегись! Как бы на этот раз не было для тебя мата!

– Да кто может сделать мне его? – спросила Альмерс с невозмутимым спокойствием. – Неужели ты хочешь с обычным упрямством окончательно подавить свое чувство лишь потому, что этот план возник в моей голове? Впрочем, от тебя можно ждать подобного!

– Я говорил не о себе, а о твоей протее.

– О Пауле? Ну, с ее стороны наверно не встретится возражения. Она примет твоё предложение, как громадное, неожиданное счастье, чем оно, в сущности, является для такой бедной, как она, девушки.

– О, конечно! – с горечью произнес Ульрих. – Она по всей вероятности скажет «да», чтобы избавиться от зависимого положения и стать богатой женщиной. Что касается мужа, ну, он будет взят, как неизбежный придаток такой сделки. Да неужели ты думаешь, что я в состоянии допустить это?

– Ах, ты всегда обостряешь положения! – пожала плечами Альмерс. – Наши теперешние молодые девушки вообще не романтичны. Я считаю это счастьем, так как в судьбе матери Паулы вижу пример того, к чему ведет романтическая любовь, не считающаяся с действительной жизнью. Вот, например, и твоя мать, вступая в брак, последовала, прежде всего, желанию родителей и никогда не раскаивалась в этом. Паула будет всецело подчиняться тебе, а это как раз тебе и нужно, потому что девушка, могущая предъявить свои требования, не похоронит себя в здешнем одиночестве и не выдержит твоего частого мрачного настроения.

– Я это знаю, а потому будет лучше, если останусь одиноким! – резко произнес Ульрих. – Да скажи, пожалуйста, почему это ты, во что бы то ни стало, хочешь меня женить?

– Потому что ты находишься на пути к тому, чтобы стать положительно человеконенавистником, – с ударением ответила Альмерс, – потому что ты совсем одичаешь, если закупишься тут, в своем гнезде, и будешь поддерживать общение только со своими подчиненными. Ты – единственный сын моей сестры и, так как я бездетна, – мой наследник после моей смерти. В силу этого я, несомненно, и имею право на вмешательство. Если ты во что бы то ни стало, хочешь попрекнуть меня за это, ну что же, я спокойно стерплю это.

Лишь в этих словах почувствовалась теплота и сердечность; видно было, что те сокровища сердца, которыми обладала эта женщина, принадлежали ее племяннику, единственному близкому ей существу.

Это произвело свое впечатление на Ульриха; его лицо просветлело, и он ответил значительно мягче прежнего:

– Прости, тетя! Ты хочешь мне добра, но скажи, что делать с женой, ищущей в жизни только света и радости? Ведь Паула прямо-таки боится меня; я ясно вижу, как она робеет и смущается в моем присутствии. Если бы мне не было известно, как она держится со стариком Ульманом и служащими моего дома, то я никогда бы и не увидел ее в истинном свете.

– Да ты сам виноват в этом! ведь в обращении с ней ты даже серьезнее и молчаливее, чем обычно. Девушка и понятия не имеет о твоей склонности к ней. Если тебе угодно, я поговорю с нею и затем...

– Нет, нет! – прервал ее Бернек. – Неужели ты думаешь, что я – недостаточно мужчина, чтобы лично добиться решения? Не делай ей никаких намеков!

Я не хочу быть обязан ее согласием чьему-либо уговору.

– Как хочешь! – Альмерс поднялась и сложила свое рукоделие. – Во всяком случае, не медли со своим решением. Мне еще надо написать одно письмо, но к чаю буду снова здесь... в пять часов, как всегда.

С этими словами она вышла из комнаты. Как умная женщина, она отлично понимала, что всякая дальнейшая попытка воздействовать на племянника приведет к совершенно противоположному результату, да, кроме того, по только что происшедшей беседе видела достаточно много, чтобы убедиться, что ее надежды вопреки ожиданию увенчались успехом.

II

Оставшись один, Ульрих стал медленно ходить по комнате. Он сам отлично сознавал, как мало был пригоден его мрачный, замкнутый характер для создания семейного счастья. Он хотел остаться одиноким и на этом основал весь план своей жизни. Но вдруг перед ним появилось молоденькое существо со смеющимися глазами, и все его предположения и планы рассеялись, как дым под дуновением ветра. Он тяжело боролся с самим собой, ходя по комнате. Разница лет, безграничное различие характеров, непрестанно возвращавшаяся мысль о том, что согласием Паулы, в котором он несколько несомневался, он будет обязан лишь своему богатству, – все это кипело и бушевало в нем, так что, наконец, он тихо воскликнул:

– Нет! Это было бы величайшей глупостью и привело бы к несчастью. Нет, нет!

В этот момент из сада донесся звонкий, веселый смех, свойственный лишь юности, и Ульрих остановился, как вкопанный. Он медленно повернул голову в ту сторону, откуда долетел этот смех, и суровое «нет», которое он только что произнес, не могло устоять перед этим звуком. Тетка Ульриха несомненно ошибалась, предполагая, что в сердце ее племянника зародилась лишь небольшая склонность к Паулине, нет, это было даже больше, чем страсть, и, как не противился этому чувству рассудок, оно было более могучее, чем воля и сила человека, и все более и более захватывало его в свою власть. Оно нашептывало ему, что позорно избегать решения и не осмеливаться хотя бы раз задать решительный вопрос. Ульрих не желал быть трусом; быстро приняв решение, он весь выпрямился и вышел из комнаты.

У подножия террасы стоял седенький старичок и полупочтительно, полуотечески беседовал с молодой девушкой, сидевшей на парапете каменной лестницы, не обращая внимания на то, что он был совсем мокр от дождя.

– Нет, нет, барышня, это уж чересчур! – сказал он. – Вы были наверху, в Дольнем лесу? Да еще при такой погоде? Я только раз был там, но вторично и не попытаюсь дойти туда! Ведь оттуда к озеру спускается буквально козья тропка; на каждом шагу можно сломать себе шею.

– Ну, знаете, в моей натуре тоже есть что-то общее с козочками! – засмеялась девушка. – Слава Богу, все члены моего тела еще в целости, правда, я изрядно промокла, совсем как русалка! Смотрите-ка, Ульман! – и она, схватив суконную шляпу, принялась трясти ее, так что вода, собиравшаяся за полями, стала разлетаться брызгами во все стороны.

Еетемное, высоко зашпиленное платье из грубого сукна и такой же жакетик были пропитаны влагой, тогда как зонтик, который она держала в руке, был почти сух, но зато на конце его виднелись следы глины; очевидно, девушка пользовалась им лишь для опоры во время прогулки по горам, а не для защиты от дождя.

И на самом деле грациозная, гибкая фигурка этой девушки напоминала стройную, робкую лань. Темные волнистые волосы были мокры от дождя и растрепались от ветра, лицо густо разрумянилось от прогулки по горам, а глаза сияли радостным счастьем юности, видящей будущее в самом розовом свете. Бесспорно, Паула Дитвальд была очень хорошенькая. Когда вдруг из-за туч ворвался первый луч солнца и ярким светом блеснул по озеру и горам, она возликовала, как ребенок, и воскликнула:

– Ах, солнышко, солнышко!.. наконец-то оно опять показалось!

– Да и пора! Ведь оно почти целую неделю пряталось в тучах, – сказал Ульман. – Не много удовольствия получили вы здесь, барышня! Погода все время была крайне неприятна и сурова.

– А все-таки тут хорошо, – воскликнула Паула. – Я впервые нахожусь в горах, так как все время жила в большом, шумном городе. Здесь все так свободно, величественно! Ах, вы и представлять себе не можете, как дивно было сегодня в Дольнем лесу! В ветвях елей шумел ветер, в горах редела и бушевала буря, а озеро лежало внизу, как громадное белое море тумана.

Все было так странно, таинственно; казалось, из тумана должно было вынырнуть что-то, какая-либо сказка, и вдруг ожить предо мною.

– Да, да, в восемнадцать лет еще верится в такие глупости, – сказал старик с добродушной насмешкой, – да лазают по горам, которые Господь Бог создал на муку человеку. Сперва идешь наверх, потом вниз, устаешь до смерти, да еще сапоги себе рвешь. И есть же люди, находящие в этом удовольствие! Понять не могу я это!

Молодая девушка снова весело рассмеялась при этой вспышке старческого недовольства.

– Да, да, Ульман, я верю вам! Но – странно! вы прямо-таки воюете с горами, а между тем живете среди них.

– Что же поделать? На то воля Божья! – проворчал старик. – Знаете, барышня, я всю жизнь свою терпеть не мог горбатых стран. То ли дело у нас на нашей родине, в Померании! Там ни одной горки нигде не увидишь, всюду поля, поля и на них благословенные Богом хлеба. А посреди этого господский дом со сверкающими окнами и хозяйственный двор, которым глаз поселенина не налюбуется! А здесь-то что! Если бы вы только, барышня, знали, в каком виде тут все было, когда мы впервые приехали сюда! Господи Боже мой! Настоящее разбойничье гнездо! Наш барин в течение пяти лет успел навести кой-какой порядок, но, думается, нужно, по крайней мере, еще десять лет, чтобы придать надлежащий вид нашему Рестовичу.

– Но почему же господин Бернек продал свой Ауенфельд и переселился сюда? – смело спросила Паула. – Кажется, госпожа Альмерс не соглашалась на это?

Налице старика появилось легкое смущение, и он уклончиво ответил:

– Ну, тут совсем особое дело. Ему опротивело родовое имение, и он решил, покинуть его. Да все же из-за этого ему вовсе не было нужды ехать в такую дичь, и он мог жить среди людей. Аведь народ здесь – разбойник на разбойнике, ни минуту за свою жизнь нельзя быть спокойным. Вот помяните мое слово – убьют здесь барина и меня!

– Господи! Да что вы? – испуганно вскрикнула молодая девушка. – Неужели люди здесь так дурны?

– Да как сказать? По отношению к своим они вовсе не худы, ну, а чужеземцев страшно ненавидят и в особенности нашего барина, который приучает их к порядку и закону. В здешней стране этого вовсе не знают; при прежних своих господах они могли делать, что хотели, никто не заботился об этом, даже если бы пошло к черту все хозяйство. Ну, а теперь они обязаны подчиняться порядку, ими правят теперь за милую душу! Пикнуть никто не смеет – знают нашего барина, ну, да зато стараются за спиной напакостить ему... Да, да, барышня, ни одному часу жизни здесь не порадуетесь!

– Так ведь при таких условиях хоть вы то могли остаться на родине, – заметила девушка, но старик почувствовал себя глубоко оскорбленным и воскликнул:

– Да неужели я когда-нибудь покину барина? Я служил еще его родителям и носил его на руках, когда еще он ходить не умел. Правда, уезжая, он сказал мне: «Ульман, о тебе как следует позаботятся, если ты захочешь остаться на родине», но я ответил ему на это: «Нет-с, этого не будет, баринок! Я пойду с вами хоть на край света». Да ведь и взял-то он меня одного из всех, и вот так-то мы и попали чуть не на край света.

Молодая девушка взглянула на сырые стены замка, видимо существовавшего уже более столетия, и промолвила:

– Так, значит, вы круглый год проводите здесь один со своим хозяином и чужими для вас слугами? Он ведь мог бы выписать себе людей из Германии?

– Да он не хочет того, – пожал плечами старик, – говорит, что они сюда совершенно не подходят. Но я-то знаю лучше причину. Он не хочет и слышать о своей родине, ведь, знаете ли, нынче вот в первый раз за целые пять лет, что у нас живут гости. Барыня... ну, впрочем, она слишком важна да благородна, для нее наш брат почти и не существует. А вот вы то, барышня! С вами к нам явился живой солнечный луч... стало светлее в Рестовиче, с тех пор как вы тут!

Комплимент был довольно нескладен, но произнесен столь простодушно, что молодая девушка, с благодарной улыбкой ответила на него кивком головы.

– Да, Ульман, мы оба стали уже довольно добрыми друзьями, ну, а вот «солнечный луч» явился для вас одного. Там, в доме, я всегда удивительно скромна и благоразумна. Госпожа Альмерс требует этого от всех окружающих ее, а что касается господина Бернека, то при нем нельзя даже посмеяться и быть веселым. Мне кажется, если бы я хоть раз осмелилась на это, он тотчас же выгнал бы меня вон.

– Ну, до этого не дошло бы! – заметил старик. – Барин, правда, серьезен и совсем разучился смеяться, но раньше умел это делать не хуже вас. Видели вы портрет, висящий в большом зале, направо, сейчас же у входа? Знаете, охотник в зеленой шляпе и с ружьем в руках? Вот каким барин был всего только девять лет тому назад.

– Портрет охотника? – изумленно спросила Паула. – Конечно, я знаю его. Да неужели это – господин Бернек?

– Он самый, и портрет тогда был очень схож.

– Молодой охотник? Да сколько же ему лет теперь?

– Как раз тридцать семь! Вас это удивляет, барышня? Да, да, на вид-то ему лет на десять больше. Тогда он был молодым, веселым барчуком, которого любили решительно все, и которому не доставало ничего на свете. Родители, правда, умерли рано, но оставили ему великолепный Ауенфельд, богатая тетушка в Берлине была бездетна, и он со временем должен был стать ее наследником. Эх, барыня, поглядели бы вы на нашего молодого барина, когда он ездил верхом по полям или отправлялся в лес с ружьем в руках! Он жить не мог без любимой охоты и на всю округу считался лучшим стрелком. Все, что попадало под дуло его ружья, становилось его жертвой. Да, тогда были совсем другие времена!

Паула слушала все это видимо с большим интересом, но в то же время и не с полным доверием; она только что собралась задать старику какой-то вопрос, как вдруг раздались твердые шаги по каменной террасе, и по лестнице стал спускаться сам Бернек. Он бегло поклонился молодой девушке, а затем обратился к Ульману:

– А ты был уже в конюшнях? Нужно посмотреть, что случилось с моим Гнедым! Он оступился вчера, ты ведь знаешь, что на конюхов вовсе положиться нельзя.

Ульман знал это и поспешно отправился в конюшню.

Паула поднялась с паркета и, когда Бернек сделал попытку быстро подойти к ней, с очевидным страхом отодвинулась назад. Однако он тотчас же заговорил, сдерживая свой голос:

– А вы не побоялись бури и дождя? Далеко ходили?

– Я была в Дольнем лесу.

– И по всей вероятности, обратный путь совершили по спуску оттуда к озеру, иначе не могли бы вернуться так скоро. Но ведь эта дорога не для нежных девичьих ножек.

– Я вовсе не столь изнежена, как вы предполагаете, господин фон Бернек, – ответила Паула с некоторой резкостью.

– Да я и не говорю об изнеженности. В такую погоду дойти до Дольнего леса и спуститься оттуда по тропинке, вьющейся по скалам, – ну, знаете, это даже для меня только-только в пору, а ведь вы, насколько я знаю, впервые находитесь в горах.

– Совершенно верно, – сухо ответила Паула.

Ульрих, заметив этот тон, в досаде закусил нижнюю губу. Его тетка была права – он, собираясь свататься, не должен был быть столь молчаливым, однако при каждой попытке к сближению с этой девушкой он лишь видел, как она робко сторонилась его, и это лишало его мужества продолжать такие попытки.

Паула молча стояла перед ним в очевидном смущении. Она, в сущности, отнюдь не была труслива, однако то смутное, загадочное чувство, которое почему-то являлось у нее всегда в присутствии Ульриха и как-то странно давило ей грудь, несомненно должно было быть стра-

хом. Когда же он, как в данный момент, неотрывно смотрел на нее своими мрачными серыми глазами, она чувствовала себя во власти какой-то особенной силы, от которой не могла избавиться.

После длившегося несколько секунд молчания, Ульрих заговорил опять:

– Летом наши горные леса очень хороши, зато зимой, когда все кругом занесено снегом, в них не пройти. Несмотря на это, я ежедневно бываю там.

– Наверно, охотитесь? – спросила молодая девушка, делая попытку подавить овладевшее нею смущение. – Я видела ваш портрет в полном охотничьем снаряжении. Он, наверное, написан еще в Ауенфельде?

– Да, – кратко ответил Бернек.

– Меня только удивляет, что он висит в большом зале, в котором, как говорит Ульман, по целым годам никто не бывает. Ему следовало бы быть в вашей комнате.

– Я не люблю этого портрета. Он уже давно не похож на меня и вообще относится к тому далекому прошлому, которое давным-давно миновало меня.

Эта фраза была произнесена почти резко, как будто простое замечание Паулы оскорбило Ульриха, и вслед затем он замолк. Молодой девушке не раз приходилось замечать подобные паузы при своих разговорах с Бернеком, которых он, по-видимому, даже не замечал, и только чтобы сказать что-нибудь, продолжал:

– Я понимаю, что именно для вас Рестович представляет особую прелесть. Ульман только что рассказывал мне, какой вы страстный охотник. В здешних громадных лесах, наверно, можно великолепно охотиться.

Ульрих отвернулся и, глядя по направлению к конюшням, произнес:

– Да, но я больше не охочусь.

– Вот как? А Ульман говорил мне...

– Он говорил о былых временах. Я уже несколько лет тому назад отказался от охоты; она больше не доставляет мне удовольствия.

Паула изумленно взглянула на него. Она опять услышала прежний резкий тон, а в его лице появилось суровое, враждебное выражение. У нее явилось смутное ощущение, что ей не следует в дальнейшем затрагивать этот вопрос. Да и на самом деле уже не в первый раз Бернек представлялся ей загадочным и непонятным; она уже часто замечала у него внезапную резкость во время разговора, причем, не в состоянии была догадаться о поводе ее, и это обстоятельство лишь увеличивало то неприятное чувство, которое она испытывала в присутствии его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.